

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93; 087.5
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-113-122>

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА-РЕБЕНКА В КНИГЕ В. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

Анна Владимировна Насонова¹, Елена Александровна Полева²

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ sturova@tspu.edu.ru

² poleva@tspu.edu.ru

Аннотация

В. Астафьев в автобиографической книге «Последний поклон» художественно осмысляет тему детства, что уже было отмечено исследователями. Однако литературоведы, как правило, концентрируются на анализе образа центрального персонажа. На наш взгляд, представления писателя о детстве проявляются и через образы второстепенных персонажей-детей, отношения с которыми раскрывают своеобразие автобиографического героя.

Цель исследования – проанализировать приемы создания образов детей в книге «Последний поклон».

Материал исследования – рассказы из книги «Последний поклон», повествующие о взаимоотношениях двух персонажей – Вити и Саньки. Методологической базой исследования являются работы по поэтике психологизма, автобиографической прозе М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, А. П. Скафтымова, А. Б. Есина. Используется структурно-семиотический подход к анализу образа персонажа.

В основе создания образов Вити и Саньки – приемы психологизма (портретирование, поведенческие реакции в конфликтных или кризисных ситуациях, передача внутреннего состояния через диалогическую речь и внутренние монологи). Вместе с тем В. Астафьев использует элементы интертекстуальности, позволяющие соединить в поэтике персонажей социально-бытовую конкретику автобиографического повествования с условно-символическим обобщением (в рассказе «Конь с розовой гривой» используется библейский мотив искушения, в рассказе «Ночь темная-темная» – сюжет инициации).

В книге «Последний поклон» рассказы о Вите и Саньке представляют определенный метасюжет, в котором динамика образов мальчиков обусловлена процессом их взросления, становления личности. Особенно ярко изменения проявляются в образе Саньки. Если в «Коне с розовой гривой» он выступает в роли трикстера-искусителя по отношению к автобиографическому герою, то в «Фотографии, на которой меня нет» способен отказать от своих интересов ради поддержки школьного товарища.

Ключевые слова: В. Астафьев, образ ребенка, художественный прием, автобиография, русская литература XX в.

Для цитирования: Насонова А. В., Полева Е. А. Приемы создания образа персонажа-ребенка в книге В. Астафьева «Последний поклон» // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2023. Вып. 1 (225). С. 113–122. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-113-122>

TECHNIQUES FOR CREATING THE IMAGE OF A CHILD CHARACTER IN THE STORIES OF V. ASTAFYEV'S BOOK "THE LAST BOW"

Anna V. Nasonova¹, Elena A. Poleva²

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ sturova@tspu.edu.ru

² poleva@tspu.edu.ru

Abstract

In the autobiographical book "The Last Bow" V. Astafiev artistically comprehends the theme of childhood, which has already been noted by researchers. However, literary scholars, as a rule, concentrate on the analysis of the image of the central character and his grandmother. In our opinion, the writer's ideas about childhood are also manifested through the images of secondary characters-children, relations with which reveal the originality of the autobiographical hero.

The purpose of the study is to analyze the techniques for creating images of children (Vitya and Sanka) in the book "The Last Bow".

Material and methodology of the study. The material of the study is the stories of the book "The Last Bow", which tell us about the relationship between two characters – Vitya and Sanka. The methodological basis of the study is the works on psychologism poetics, autobiographical prose by M. M. Bakhtin, L. Ya. Ginzburg, A. P. Skaftymov, A. B. Esin. A structural-semiotic approach is used to analyze the image of a character.

The creation of images of Vitya and Sanka is based on psychologism techniques (portraiture, behavioral reactions in conflict or crisis situations, the transfer of an internal state through dialogic speech and internal monologues). At the same time, V. Astafiev uses elements of intertextuality, which make it possible to combine the social and everyday specifics of an autobiographical narrative with a conditionally symbolic generalization in the characters' poetics (in the story "The Horse with a Pink Mane" the biblical motif of temptation is used, in the story "Dark Dark Night" – robinsonade plot, which implies self-determination in the conditions of being on an island).

In the book "The Last Bow", the stories about Vitya and Sanka represent a certain meta-plot in which the dynamics of the images of boys is determined by the process of their growing up, of formation of their personalities. The changes are especially showed in the image of Sanka. If in "The Pink-Maned Horse" he acts as a trickster-tempter in relation to the autobiographical hero; then in "The Photo I'm Not In" he is able to give up his interests in order to support a school friend.

Keywords: V. Astafiev, image of a child, artistic technique, autobiography, Russian literature of the 20th century

For citation: Nasonova A. V., Poleva E. A. Priyomy sozdaniya obraza personazha-rebenka v knige V. Astaf'yeva "Posledniy poklon" [Techniques for Creating the Image of a Child Character in the Stories of V. Astafyev's Book "The Last Bow"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 113–122 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-113-122>

Введение

Писатели онтологической прозы, к которым причисляют и В. П. Астафьева [1, с. 72], во второй половине XX в. обратились к осмыслению основ формирования личности человека, тех ресурсов, которые дает крестьянскому ребенку природная и социокультурная среда. «Последний поклон» – книга, над которой В. П. Астафьев работал, дополняя, совершенствуя, перестраивая композицию расположения рассказов, с 1957 по 1991 г. [2], что свидетельствует о ее значимости для писателя.

«Последний поклон» в критике и литературоведении однозначно рассматривается как художественная автобиография о детстве писателя и памятных для него событиях жизни [3]. Центральный персонаж книги – Витя Потылицын, оставшийся после смерти матери на попечении бабушки Катерины Петровны. Сквозным персонажем в рассказах, связанных с периодом детства, является Санька – сын дяди Левонтия и тетки Васени, живущих в деревне Овсянка по соседству с бабушкой. Образ Саньки интересен в контексте темы статьи, так как в систему персонажей книги он вводится как антагонист Вити.

Цель исследования – проанализировать приемы создания образов детей в книге «Последний поклон».

Материал и методы

Материалом анализа являются рассказы книги «Последний поклон», в центре сюжета которых – персонажи Витя и Санька: «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах», «Ночь темная-темная», «Фотография, на которой меня нет» и др. [4].

Предполагается изучение рассказов в порядке их расположения в книге, что позволит проследить динамику образов.

Методологическая основа исследования – работы по поэтике автобиографической прозы и психологизма М. М. Бахтина, А. П. Скафтымова, Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есина [5–8]. Статья является продолжением изучения темы детства в прозе писателей онтологического реализма (В. Астафьева, В. Распутина), представленного в работах Е. А. Полевой [9–12].

М. М. Бахтин, объясняя механизмы эстетического завершения образа другого, замечает, что оно возможно в автобиографии за счет большой временной дистанции между воссоздаваемым прошлым и временем повествования о нем. Однако образ автобиографического героя имеет свою специфику: «...его активность уходит в наблюдение и рассказ» [5, с. 142], он дан в переживании опыта, тогда как другие персонажи, по сравнению с ним, более четко портретно и событийно-действенно оформлены. В. Астафьев использует в «Последнем поклоне» перволичное повествование, однако я рассказчика проявляется в двух разных позициях: автобиографического героя-ребенка и взрослого, который вспоминает о детстве соотносит с полученным позднее жизненным опытом. Точки зрения и ребенка и взрослого могут сливаться в одном фрагменте или быть разведены. Я-повествование, передающее точку зрения автобиографического героя-ребенка, выражает непосредственное психоэмоциональное восприятие событий; я-повествование, фиксирующее точку зрения автобиографического героя-взрослого, вносит рефлекс

сию, выводящую к художественному обобщению конкретного опыта.

Исследователи многократно доказывали, что В. Астафьев использует приемы психологизма для создания образов персонажей [13, 14]. В общем виде под психологизмом понимается «изображение психики персонажа» во взаимосвязи «с данным моментом, социальной и бытовой обстановкой» (А. П. Скафтымов) [6, с. 165], создается «с помощью специфических средств художественной литературы» (А. Б. Есин) [8]. М. Л. Бердикова констатирует проявление «психологического мастерства» писателя в «Последнем поклоне» во введении «психологического жеста, психологизированного описания, психологической характеристики, подтекста» [14].

Л. Гинзбург, анализируя случаи, когда художественный текст вырастает из документального или автобиографического материала, пишет: если события автору даны, «он должен раскрыть в них латентную энергию исторических, философских, психологических обобщений, тем самым превращая их в знаки этих обобщений. <...> И в факте тогда пробуждается эстетическая жизнь...» [7, с. 11]. Поэтому при изучении художественной автобиографии важно выделять два уровня семантизации событий и образов: конкретный психологический, социально-бытовой и философский, условно-метафорический. Верно подметил Им Ен Им, что герой-рассказчик в «Последнем поклоне» не только описывает «самого себя, чужие характеры, ситуации, конфликты... но и, пропустив всю сложность бытия сквозь свое сердце, вносит лирический и философский тон...» в повествование [13].

Теме детства в творчестве В. Астафьева посвящены несколько локальных работ (А. Н. Мешалкина, Н. Д. Жуковой и Ю. И. Витык, Н. В. Уминовой [15–18]), в которых отмечается значимость мотивов сиротства, духовно-нравственного воспитания, анализируется наследование писателем традиций философско-психологической художественной прозы второй половины XIX в. Основное внимание литературоведы уделяют образу Вити и его бабушки. Нам представляется, что исследование художественной концепции детства в книге В. Астафьева должно быть дополнено анализом образа детей, окружающих автобиографического героя. Предмет исследования в этой статье – образ Саньки и его роль в раскрытии своеобразия центрального персонажа.

Результаты и обсуждение

Впервые образ Саньки вводится в рассказ «Конь с розовой гривой» через описание общих поведенческих черт всех левонтьевских ребятешек с двух точек зрения: мальчика Вити, непосред-

венно переживающего отношения с ними, и рассказчика-взрослого, с позиции «внеаходимости» описывающего семейный уклад и обстоятельства, обусловившие поведение детей. Эти точки зрения часто сливаются, так как представляют сознание одного субъекта. В описании соседского дома подчеркивается отсутствие границ, отделяющих дом от остального мира: «Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застекленными окнами – ни забор, ни ворота, ни наличники, ни ставни» [4, с. 47]. Отмечается социально-бытовая необустроенность их жизни, подчиненность изменчивому настроению отца. Левонтий, работающий на заготовке, два раза в месяц получал расчет и устраивал «пир горой», остальное же время жена и дети жили впроголодь. Эти обстоятельства определяют поведение и мироощущение левонтьевских детей. У них размыты представления о границах дозволенного/недозволенного, с одной стороны, они интегрированы в уличную жизнь, свободны, но, с другой стороны, не защищены, вынуждены сами выживать: «Танька Левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всем ихнем заведенье: „Зато как папа шурунет нас – бегишь и не запнешша!“» [4, с. 49].

Витя, с тоской глядя на соседский дом, завидуя вольности жизни, не понимает тяготы ребят. Он оценивает их хитрость и уверенность в себе, но не осознает, что такие качества необходимы им для выживания. Это понимание привнесено рассказчиком: «Левонтьевские ребята умели пропитаться „от земли“, ели все, что Бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие, особенно за столом» [4, с. 55]. Образы детей в рассказе детерминированы социальной средой.

При всей настороженности Вити в общении с «левонтьевскими» они составляют ближайший круг его общения, более того, к дяде Левонтию мальчик испытывает привязанность («...я любил его» [4, с. 49]), чувствуя, что жесткость характера в нем и его семействе соединяется с добротой, способностью к состраданию. Автор использует многочисленные метафорические определения соседских детей, в которых сливается ирония и уважение («боевое семейство», «левонтьевские орлы», «могучий хор», «братья богатырские», «левонтьевская орда», «орлы боевые» [4, с. 48, 51, 55]).

В рассказе все дети соседа Левонтия, кроме Саньки, даны общим планом. Повествователь даже не уточняет, сколько их было. Упоминается не названный по имени «старший» и Танька, образ которой создается только одной портретной и речевой деталью – шепелявостью из-за отсутствия зубов (что косвенно указывает на дошкольный или младший школьный возраст). Про остальных известно, что их много и они младше Саньки, второго

ребенка в семье: «Малые его братья и сестры...» [4, с. 54]. То есть дети в речи рассказчика не индивидуализированы, их упоминание служит созданию общего образа семьи «пролетарьев». Санькин же портрет дан детально, подробно, что указывает на его значимость в наррации: «Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее других левонтьевских ребят» [4, с. 51]. Такой нелюбимый вид имеет конкретно-бытовое объяснение. В рассказе «Монах в новых штанах» рассказчик вспоминает: «Санька как-то полез разорять гнездо... не удержался... наделся он рубахой на сук. <...> У Саньки с тех пор красные глаза, говорят, кровь налилась» [4, с. 76]. Но в «Конь с розовой гривой» это объяснение отсутствует, зато внешний вид мальчика соотносится с образом нечистой силы, «беса», как его Витька и называет [4, с. 53].

В завязке рассказа «Конь с розовой гривой» главный герой Витя вместе с Левонтьевскими ребятами отправляется «на увал по землянику», после продажи которой бабушка обещает внуку купить «пряник конем». Левонтьевские дети съедают свои ягоды во время сбора, а затем Санька провоцирует на подобный поступок и Витю.

Уже отмечалось, что сюжет рассказа движут мотивы искушения и раскаяния [12]. Санька выступает в качестве умелого манипулятора, искусителя, а Витя – искушаемого. Эти роли проецируют бытовую ситуацию на архетипический библейский сюжет грехопадения, выводя к условно-метафорическому обобщению (подробнее об этом [12]), а на сюжетно-фабульном уровне обусловлены возрастными и психологическими особенностями детей: Витя младше Саньки, на что есть косвенные указания. Санька, когда нет «старшего», остается вместо него, а Витя сопоставлен с малышами («Пряник конем! Это ж мечта всех деревенских малышей» [4, с. 46]). Живя под покровительством бабушки, Витя сохраняет детскую наивность, непосредственность, доверчивость. Ему не хватает смекалки левонтьевских, их напора, поэтому он легко становится объектом искушения.

Санька, с одной стороны, воспринимается Витей как тот, от кого можно ждать подвоха, подлости. Обрадовавшись чужому горю, Санька радостно «заржал»: «Задаст тебе Катерина Петровна, задаст!», «Мы-то свою нарочно съели, нам-то что?» [4, с. 55]. С другой стороны, его независимость, храбрость, смекалка, способность принимать решения, брать на себя ответственность, повадки вызывают уважение и даже зависть: «...мы были без ума от этой Санькиной дырки (между передними зубами. – А.Н., Е.П.). Как он в нее цыкал слюной!» [4, с. 54].

Если в ситуации искушения Вити раскрывается «бесовская» сторона личности Саньки, то в эпизоде на рыбалке он проявляет положительные черты характера. Становится ответственным и важным, деятельным и по-житейски грамотным: «...был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уж не задирался зря и, мало того, усмирял „народ“, если тот начинал „свалку“» [4, с. 55]; благородным – сначала детей накормил пойманной рыбой, затем ел сам. Он способен задавать правила, держать границы: «...Санька жарит рыбу, теперь уже себе, теперь его черед, и тут уж проси не проси – могила» [4, с. 58]. В. Астафьев уходит от линейной, однозначной трактовки личности Саньки, формирующейся под влиянием многих факторов (социальных и психологических).

Вне зоны понимания автобиографического героя-ребенка в этом рассказе остается неосознаваемая и самим Санькой зависть к нему, благодаря бабушке всегда сытому, обустроенному в быту. Это чувство не называется в наррации, но может быть реконструировано из поведения Саньки, объясняет его поступки. После того как Витька признается, что за свой труд получит «пряник конем», «левонтьевский орел» «что-то смекнул», начал провокацию. В Санькиной иронии («Может, кобылой?») [4, с. 51]) и стратегии сделать так, чтобы Вите пряник не достался, проявляется зависть, так как ему о подарке от родителей мечтать не приходится. Понимание, что Санькиным поведением движет зависть, возникает позднее, когда Витя станет старше (рассказ «Монах в новых штанах»: «Завидно потому что Саньке – сам-то сроду не нашивал новых валенок, штанов...» [4, с. 80]).

В Саньке соединены неосознаваемые, инстинктивные проявления низменных человеческих черт и тяга к идеалу, авторитету. Его кривляния, пародийное изображение Катерины Петровны имеют целью вывести Витю из себя, подогреть в нем внутреннее сопротивление правилам, устанавливаемым бабушкой. Он провоцирует Витю пойти на сделку с совестью, используя экспрессивно-оценочную лексику: «трус», «жадный», «слабо», называет «поганым словом». Однако, снижая в трагическом поведении культурные нормы, он одновременно их транслирует: «Ой, дитячко мое! – принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. – Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособи-ил. – И подмигнул мне бес Санька, и помчался вниз с увала, домой» [4, с. 53]. Подросток иронизирует над страхом Вити перед бабушкой, хотя сам, не боящийся даже чертей и домовых, не хочет попадаться Катерине Петровне на глаза, опасается.

Кривлянье мальчика и его пародирование бабушки в рассказе семантически соответствует

двойственному отношению трикстера к «культурному герою». Е. М. Мелетинский пишет: «Отрицательный вариант К. г. обычно неумело подражает брату-близнецу, положительному К. г. <...> Отрицательный близнец наделяется одновременно демоническими и комическими чертами. Когда у К. г. нет брата, то часто ему приписываются различные проделки, некоторые из них даже являются пародийным переосмыслением его же собственных серьезных деяний...» [19, с. 26]. В литературе, в отличие от мифа, пара «культурный герой – трикстер» может воплощаться в самых разных образах героев. У В. Астафьева – в паре бабушка и Санька. Отметим, что в рассказе «Ночь темная-темная», повествующем о мальчиках в более старшем возрасте, отчетливо проявляется отношение Саньки к бабушке как к человеку, который задает непререкаемые правила, вызывает уважение. Здесь же Санька выступает в роли трикстера, ее «комического дублера» (Е. М. Мелетинский). Его образ может быть поставлен в один ряд с другими персонажами-трикстерами в детской литературе, выделенными М. Липовецким («к „чистым“ трикстерам относились Буратино, Незнайка, Гудвин, Сыроежкин из „Электроника“...» [20, с. 8] и др.).

Природа трикстера объясняет неоднозначность образа Саньки. Он искуситель и драчун, но в то же время смел, силен и хитер, может постоять за себя, подраться, не боится забежать дальше всех в холодную, темную пещеру, «где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила» [4, с. 54], а вернувшись из нее, он хвалится: «Я бы дальше побег... да босый, а там змеев гибель» [4, с. 54].

Санька способен проявить сочувствие: «„Ты чего нюнишь?“ – наклонился ко мне Санька с озабоченным видом», «...утешил меня Санька» [4, с. 56]. Однако и его искренние попытки помочь советом недействительны, так как, исходя из своего опыта, он не может предложить иные варианты, кроме как обмануть, притвориться, манипулировать. Эти способы действий не годятся для примирения с бабушкой, и Витя их отрицает в конечном счете. Общение с трикстером, представляющем в перевернутом варианте ценности, транслируемые бабушкой, создают условия для самоопределения автобиографического героя: в противостоянии с Санькой Витя совершает свой выбор. Отказ слушаться Саньку наметит его путь от, условно говоря, грехопадения к раскаянию, что приведет к прощению бабушкой.

В рассказе «Монах в новых штанах» мальчики показаны в иных, чем в предыдущем рассказе, возрастных ролях: Вите почти 8 лет, он находится в ожидании Первой, праздника, совпавшего с днем рождения. С одной стороны, он еще чувствует себя маленьким (перебирая картошку, думает о

своей смерти и том, как после нее все будут сожалеть, что оставили «ребенка одного»), но в соседнем предложении отмечает, что он «уже не ребенок» [4, с. 62]. Санька, судя по тому, что он взят дедушкой Вити на заимку в качестве помощника, в подростковом возрасте. Он считает себя умнее, сильнее, ловчее младшего товарища, но в кризисной ситуации не справляется, проявляет детскость, страх, растерянность.

В. Астафьев использует прием контраста в описании внешнего вида двух персонажей для объяснения психологической основы поступков Саньки. Внук явился к деду на заимку в новых штанах, сапогах «с новыми союзками» [4, с. 80], Санька встретил его «подстриженный дедушкой, в заштопанных штанах и рубахе... тоже починенных дедушкой» [4, с. 84]. Санька, исходя из своего социального опыта и личностных качеств, не способен испытать радость за другого, у него возникает зависть, которая вкупе с острым и быстрым умом обеспечивает воплощение его коварного плана – он заманивает Витю в западню. Однако последствия своих действий подросток просчитать не может: Витя увязает в трясине и может погибнуть, поэтому глумление в поведении Саньки сменяется страхом и отчаянием из-за понимания реальной угрозы жизни Вити и ограниченности своих сил, чтобы исправить ситуацию. Вместо ощущения власти над другим возникает растерянность.

Отношения соперничества и противостояния Саньки и Витьки раскрывают специфику характера каждого. Санька неожиданно открывает свою уязвимость (страдает от своей злой выдумки в итоге он сам), а Витя – твердость духа. Он, понимая, что может утонуть, отказывается от помощи своего «погубителя», ставя его в зависимое положение: «Санька завыл, заругался... бросился выдергивать меня из грязи» [4, с. 82]. При этом не только Санька ругается, Витька прямо называет его «гадом», «гадиной», а про себя «змеем», чего он себе не позволял ранее (в рассказе «Конь с розовой гривой» подчеркивал, что стеснялся употреблять «поганые» слова). В. Астафьев фиксирует изменение внутреннего состояния обоих мальчиков. У Саньки злорадство («Санька бесновался вверху надо мною» [4, с. 82]) сменяется злостью, смешанной с испугом и стремлением исправить ситуацию, а затем отчаянием. Причем переход к отчаянию детализируется через речевую характеристику: вначале Санька ругался, «как пьяный мужик», затем зашептал, умоляя, «потом закричал несвоим голосом, потом помчался к заимке: „Не па-ада-а-ай, миленький“...» (сохранена авторская орфография. – А. Н., Е. П.) [4, с. 83]. Витька же вначале разочарован, что вновь «попался на уд», но затем принимает решение сохранять в этой унижительной ситуации

достоинство (вначале молчит, не отвечает Саньке, затем буквально командует им, говоря, что нужно делать: «Иди за дедушкой, гад!» [4, с. 83]).

Противостояние мальчиков детализировано не только через речь, но и через невербальное поведение. Понимая опасность ситуации, которая случилась по его вине, Санька заискивает, пытается встретиться глазами с товарищем, помочь, протягивает руку. Витя же «глядел мимо него», не отвечал на его вопросы, не подал руку, не принял помощь и ощутил ответное злорадство, превосходство: «Так тебе, змею, и надо!» [4, с. 83]. Витя иллюзорно является хозяином положения: он мстит Саньке, подвергая свою жизнь риску. Но экзистенциально его отказ от коммуникации со своим «погубителем» меняет их роли: Санька чувствует себя зависимым, уязвимым. Несмотря на всю свою кажущуюся взрослость, собственная шалость привела подростка к растерянности, когда он перестал справляться с ситуацией.

В рассказе «Монах в новых штанах» значимое место в наррации занимает описание природного мира. Витя впервые один идет из деревни на заимку к дедушке. Оказавшись без надзора со стороны взрослых, он сам выбирает темп движения, останавливается, чтобы налюбоваться сибирской природой, собирает букет. Отношение мальчишек к «цветочкам» обусловлено не столько возрастными, хотя и этот момент присутствует в оценочных суждениях (ромашки – для маленьких), сколько личностными особенностями детей. Витя воспринимает природу как храм, в котором постигается «необъятность мира» [4, с. 79]. Отношение Саньки к «цветочкам» проявляется внешне через ироничные высказывания в адрес Вити и оформляются во внутренней речи автобиографического героя, передающей точку зрения Саньки: «Он-то уж не будет цветочками заниматься. Он пахарь уже, сеятель, рабо-о-отник!» [4, с. 81]. Так обнаруживается разность «душ» (по определению дедушки) двух детей, один из которых – созерцатель, художник и мыслитель, а второй – работник, деятель.

«Монах в новых штанах», «Осенние грусти и радости» – рассказы, в которых раскрываются особенности личностного становления мальчиков. Причем Санька – один из немногих персонажей книги, кому оценка дается с разных точек зрения. Рассказчик характеризует его как злого придумщика, любящего поглумиться над теми, кто младше, слабее, но подчеркивает и трудолюбие, жажду самостоятельности: «Санька в курсе всех наших хозяйственных дел и готов трудиться где угодно, с кем угодно, только чтобы в школу не ходить» [4, с. 145]. Если бабушка видит в Саньке будущего «каторжника», «жиганью душу», то дедушка проникается симпатией, берет Саньку под свою опеку.

Отношения с дедушкой Ильей для трудного подростка жизнестроительны, созидательны. Поддержка авторитетного взрослого, транслирующего, в отличие от родителей, положительный социальный опыт, оказывается ценностно значимой, экзистенциальной точкой опоры: «Кого почитал и побаивался Санька в селе, так это моего дедушку, без которого он и дня прожить не мог. Санька всякую работу исполнял так, чтобы дедушка одобрительно кивал...» [4, с. 145].

Переломный момент в динамике отношений Саньки и Вити отображен в рассказе «Ночь темная-темная». Фабула рассказа отсылает к мотиву инициации (взросления через преодоление испытаний и смертельной опасности) и к литературной традиции «робинзонады» [21], основанной на приключенческом сюжете выживания в обособленном от социума (островном) топосе. Инициатором приключения выступает здесь автобиографический герой, а Санька и двоюродный брат Алеша становятся его попутчиками.

В экспозиции рассказчик передает свою страсть к рыбацкому делу и вовлеченность в него в разные возрастные периоды, начиная с пяти лет. Это подготавливает завязку: мальчишки отправляются на остров, где «налимов что грязи» [4, с. 92]. Опасность предприятия передается множеством деталей: дети уплывают, ничего не сказав взрослым; берут «худую лодку, чтобы не так скоро ее хватились»; дело происходит весной, в период ледохода, когда вода на реке беспокойная («Гудит Енисей, хлещет...»); они плывут мимо бон, что напоминает Вите о гибели мамы: «Вот в таком же полете не удержалась лодка, споткнулась о головку боны, опрокинулась и... у меня не стало матери» [4, с. 94]. Дети не справляются с течением, их несет в опасное место – к Караульному быку, а лодка «черпанула бортом», наполнилась водой.

В экстремальной ситуации проявился характер мальчишек: если Алеша поддался панике, то Санька и Витька сохранили способность размышлять, принимать решения, слаженно действовать, причем именно Санька контролировал ситуацию, что и спасло ребят: «Пор-рядок на корабле! – Санька в изнеможении опустил весло. Руки его дрожали. Он посмотрел на них, пошевелил пальцами и веселей прибавил: – Закуривай, курачи!» [4, с. 95–96]. Санька руководит действиями товарищей на острове, его сноровка, способность командовать вызывают уважение. Вместе с тем процесс подготовки к рыбалке идет не в том темпе, как у опытных рыбаков, возникают непредвиденные обстоятельства, требующие решимости. Алеше крючок вонзается в ногу, нужна «операция», «животники» на налима запутываются, их не удастся забросить в реку из-за кустов и т. д.

Пребывание на необитаемом острове актуализирует чувство уязвимости, ощущение хрупкости своего существования и одинокого (бабушки нет рядом) противостояния как всей природной стихии, ее явным и тайным силам, так и своим страхам, которые поднимаются из подсознания: «Чем напряженной я вслушивался и всматривался, тем явственней ощущал, что остров уже стронулся с места, и до меня доносились голоса: бабушкин плач, мамин предсмертный крик, еще чьи-то, вроде бы звериные ревы, может, и водяного? Я поежился и ближе придвинулся к огню. Но страх не проходил» [4, с. 98]. В. Астафьев последовательно воспроизводит ситуацию выживания детей на острове в «ночь темную-темную», воссоздавая, по сути, сюжет инициации, превращение Вити из ребенка в юношу, способного преодолеть собственные страхи, справиться с трудностями. Витя с Санькой буквально преодолевают смерть, так как, пытаясь втащить в лодку пойманного тайменя, падают в ледяную воду, запутываются в «животниках» и едва не тонут. После того как их нашли, Витя проявляет еще одну взрослую черту – ответственность за содеянное, что в его сюжетной линии показательно. Если в «Коне с розовой гривой» он всеми силами пытался избежать наказания, то сейчас признается бабушке, что он зачинщик приключения: «Не трогай Саньку! <...> Это я сманил! Бей!» [4, с. 109]. Более того он вступает в открытое противостояние с бабушкой, отстаивая свою позицию: требует вернуться на остров за пойманной рыбой, и бабушка подчиняется.

На острове раскрывается подлинный характер Вити: он не просто справляется с ситуацией, но и проявляет качества лидера, которому подчиняется даже Санька: «Первый раз в жизни возвысился я над Санькой, командовал им, и он – куда что делось? – подчинялся мне, как миленький, и даже несмело попытался утешить...» [4, с. 101]. Изменение ролей многократно, градационно подчеркивается в речевой характеристике персонажей и поведении. Витя «дал Алеше по уху», «орал», «взъялся», «прикрикнул», «скомандовал» [4, с. 101, 102]. Санька «заговорил... робким, простеньким голосом», «тащился за мной», «послушно побрел» [4, с. 101, 109], проявил сочувствие. Мальчики как бы поменялись местами, и теперь Санька оказался в опасности из-за Вити. Как Санька в рассказе «Монах в новых штанах» кричит «Не па-ада-а-ай, миленький...», так теперь Витька – «Санечка, не тони». Ласковое обращение к товарищу и в том, и в другом случае показательно, передает наивысшую степень соучастия и сопереживания и резко отличается от обычного грубоватого именованья друг друга. Однако есть разница в мотивах их поведения: Санька в предыдущих рассказах

умышленно ставил Витю в трудное положение, Витя же Саньку – не желая зла, но и не понимая последствия своих действий (по вине автобиографического героя товарищ чуть не утонул, «застудил большой бок» [4, с. 109]).

Ночь на острове для Вити стала временной точкой экзистенциального погружения в темноту и выныривания из нее, выхода к самоопределению посредством памяти. Он вспоминает бабушкино противостояние с представителем деревенской власти Митрохой, встречу со случайным путником, пловшим по реке мимо деревни. Воссозданные в памяти образы, события он не может понять, осмыслить, однако интуитивно дает оценку, осознает, где добро, а где зло. Нащупанный Витей ценностный жизненный ориентир воплощен в рассказе в образе мерцающего огонька: «...сам огонек с тех пор обрел в моем понятии какой-то особый смысл... он сделался живою человеческой душою, трепещущей на мирском ветру...» [4, с. 108].

Последний рассказ в книге, где Санька является парным с Витей центральным героем, – «Фотография, на которой меня нет». Здесь Санька проявляет себя принципиально иначе, чем в предыдущих историях: он жертвует своими интересами, чтобы поддержать Витю.

Рассказчик говорит о «неслыханном и важном событии» – приезде в деревню из города фотографа, для того чтобы «...фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, алчущий быть увековеченным, а нас, учащихся овсянской школы» [4, с. 154]. Для учеников заманчиво, что они будут главными героями, однако «решение вопроса о распорядке выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние – в середине, плохие назад» [4, с. 155]. Проиграв бой за место на фотографии, Витька с Санькой пошли кататься с обрыва; намокнув в снегу, Витя заболел и в долгожданный день не смог пойти в школу для участия в фотосъемке. В рассказе «Фотография, на которой меня нет» снимается противостояние Саньки и Вити, их товарищество передается через частотное употребление местоимения «мы»: «нашу с Санькой», «...мы с Санькой...», «нас с Санькой», «...нам и на середину рассчитывать было трудно...», «Мы полезли в драку...», «...мы – люди пропащие...» [4, с. 155]. И Санька, хулиган, завистник, шантажист и искуситель Вити, проявляет силу воли и совершает великодушный поступок: «...Раз так, я тоже не пойду! Все!...» [4, с. 158].

В. Астафьев использует минус-прием, подчеркивая им значимость поступка Саньки. На фотографии, которая должна сохранять образ, чтобы он не стерся в памяти, нет ни самого автобиографического героя, ни его товарища, однако, вопреки

этому, напротив, из-за отсутствия на снимке воспоминание закрепилось в сознании.

Рассмотренный в сюжетной динамике всей книги образ Саньки лишается однозначности, как и образ Вити. Последний рассказ, где упоминается Санька, – завершающий первую часть «Последнего поклона» «Гори, гори ясно», основная тема которого – игры. Рассказ является своеобразной энциклопедией деревенских игр и одновременно данью В. Астафьева своему детству, окончившемуся, когда он был вынужден уехать от бабушки, начать самостоятельную жизнь (чему посвящена вторая часть книги). Игра проявляет социальные роли и личностные особенности играющих. Санька посредством ругательства и грубости скрывал свою уязвимость, которую Витя не осознавал, но понял взрослый рассказчик. По сюжету Витя одерживает победу над Санькой, но одновременно унижает его (тот падает на коровью лепешку) и случайно травмирует, ударяя по больным почкам. Рассказчик передает одномоментное переживание торжества и горечи победы: она оборачивается унижением другого, что для нравственного сознания снижает ценность установленного в игре превосходства. Это чувство горечи и радости в целом передает образ детства в книге. Оно разное, многоликое, бесконечно важное для всей последующей жизни, но главное – неповторимое: «Много в детстве было такого, что потом не встречалось больше и не повторялось, к сожалению» [4, с. 66].

Заключение

В ряде рассказов книги «Последней поклон» Санька и Витя – парные центральные персонажи. Санька является катализатором развития сюжетных действий, событий, через взаимоотношения с ним раскрывается образ автобиографического героя Вити Потылицына, становление его характера. В каждом рассказе проявляются и устойчивые черты характера мальчиков, и реакции на обстоятельства, высвечивающие разные стороны их личности. Анализ рассказов позволяет выявить логику развития их образов.

Список источников

1. Рыбальченко Т. Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 68–73.
2. Чжэн Я. «Последний поклон» В. П. Астафьева: история создания. Жанр // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-poklon-v-p-astafieva-istoriya-sozdaniya-zhanr> (дата обращения: 23.02.2022).
3. Поззорова Н. Корни и побеги. Проза 60–70 гг. Литературные портреты, статьи, полемика. М.: Московский рабочий, 1979. 216 с.
4. Астафьев В. П. Последний поклон. М.: Современник, 1985. 543 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
6. Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого // Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит., 1972. С. 165–182.

Личностные особенности Саньки детерминированы социальными обстоятельствами: семья, в которой он воспитывался, оказала влияние на его характер, образ мыслей, поведение. Выживание в многодетной бедной деревенской семье требует от него смекалки, выдержки, умения выкручиваться из переделок, условия жизни объясняют его стремление (обреченное на неудачу) занять «место под солнцем», в том числе и неморальными средствами. Но эти же обстоятельства сформировали такие качества его личности, которые позволили ему сделать нравственный выбор. В отличие от находящегося под опекой бабушки Вити, Санька вынужден быть ответственным за других (младших братьев и сестер), он яснее, чем Витя, понимает неотвратимость наказания, но страх «кары» не довлеет над ним так сильно, как над его товарищем. Более того, он способен на самоотверженный поступок для поддержки товарища.

В. Астафьев отказывается от линейной интерпретации и образа автобиографического героя, давая его характер сложным, по-разному проявляемым в тех или иных социально-бытовых ситуациях.

Через образы Вити и Саньки В. Астафьев воссоздает и уникальное (свое собственное) детство, и типичное детство деревенских ребят, в котором сочетаются вера в сказочно-мифологическое иномирие (домовых, леших и иную нечисть), тяга к необычному, волшебному, приученность к труду, стремление к самостоятельности.

В. Астафьев использует приемы психологизма для реконструкции не только поведения деревенских ребят, но и внутренней сложной мотивации их поступков, как правило, не осознаваемой ими самими (зависть, жажда наставничества со стороны взрослых, необходимость самоопределения, которое происходит в ситуациях общения с другими, самостояния в обстоятельствах опасности, угрозы жизни). Вместе с тем бытовые ситуации в поэтике рассказов соотнесены с архетипическими (искушения, инициации), что позволяет автору вывести проблематику к философско-метафорическому обобщению.

7. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 448 с.
8. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
9. Полева Е. А. «Уроки французского» В. Распутина в контексте традиций литературы второй половины XIX века о детях // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр. / под ред. И. И. Плехановой. Иркутск, 2015. С. 212–220.
10. Полева Е. А., Писаренко А. Е. Приемы психологизма в рассказе В. Распутина «Уроки французского» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 11 (176). С. 131–136.
11. Полева Е. А., Ломакина М. И. Методика межпредметного изучения художественного своеобразия рассказа В. П. Астафьева «Васюткино озеро» в современной школе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 6 (195). С. 120–127.
12. Полева Е. А. Приемы визуализации в формировании мотива искушения в рассказе Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой» // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 182–196.
13. Им Ен Им. Автобиографические мотивы в творчестве В. П. Астафьева, 60–70-е годы: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. URL: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskie-motivy-v-tvorchestve-v-p-astafeva-60-e-70-e-gody> (дата обращения: 12.03.2022).
14. Бедрикова М. Л. Особенности психологизма русской прозы второй половины 1980-х годов: творчество В. Астафьева и В. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-psikhologizma-russkoi-prozy-vtoroi-poloviny-1980-kh-godov-tvorchestvo-v-astafeva#ixzz4I2hJQACR> (дата обращения: 12.05.2022).
15. Мешалкин А. Н. Своеобразие художественно-философского воплощения темы детства в повести В. Астафьева «Последний поклон» // Вестник Костромского государственного университета. 2001. № 4. С. 60–61.
16. Мешалкин А. Н. Заветная книга В. П. Астафьева: мир детства, добра и красоты в повести «Последний поклон» // Литература в школе. 2007. № 3. С. 18–21.
17. Жукова Н. Д., Витык Ю. И. Художественная реализация темы детства в книге Виктора Астафьева «Последний поклон»: к постановке проблемы // Филология, социология и культурология. Актуальные научные проблемы. Рассмотрение, решение, практика: сб. науч. докл. Гданьск: Диаманд Трейдинг тур, 2015. С. 94–98.
18. Уминова Н. В. Мотив детской лжи в произведениях сибирских писателей // Феномен В. П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2017. С. 95–96.
19. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1982. Т. 2. С. 25–28.
20. Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 7–22. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/123/117> (дата обращения: 23.02.2022).
21. Козьмина Е. Ю. Робинзоада как разновидность географического романа приключений // Вестник БГУ. 2016. № 4 (30). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/robinzonada-kak-raznovidnost-geograficheskogo-romana-priklyucheniya> (дата обращения: 16.09.2022).

References

1. Rybal'chenko T. L. Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnykh techeniy [The history of literature of the twentieth century as the history of literary movements]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 1999, no. 268, pp. 68–73 (in Russian).
2. Zheng Ya. “Posledniy poklon” V. P. Astaf'yeva: istoriya sozdaniya. Zhanr [The “Last bow” by V. P. Astafiev: the history of creation. Genre]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*, 2011, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-poklon-v-p-astafieva-istoriya-sozdaniya-zhanr> (accessed 23 February 2022).
3. Pozzorova N. *Korni i pobegi. Proza 60–70 gg.; Literaturnyye portrety, stat'i, polemika* [Roots and shoots. Prose of 60–70; Literary portraits, articles, polemics]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1979. 216 p. (in Russian).
4. Astaf'yev V. P. *Posledniy poklon* [Last bow]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985. 543 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Compiled by S. G. Bocharov, note by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 423 p. (in Russian).
6. Skaftym A. P. O psikhologizme v tvorchestve Stendalya i Tolstogo [On psychologism in the works of Stendhal and Tolstoy]. *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral searches of Russian writers]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. Pp. 165–182 (in Russian).
7. Ginzburg L. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 448 p. (in Russian).
8. Yesin A. B. *Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury* [The psychology of Russian classical literature]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 176 p. (in Russian).
9. Poleva E. A. “Uroki frantsuzskogo” V. Rasputina v kontekste traditsii literatury vtoroy poloviny XIX veka o detyakh [“French lessons” by V. Rasputin in the context of the traditions of literature of the second half of the XIX century about children]. *Tvorcheskaya lichnost' Valentina Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazheniye – otkroveniye. Sbornik nauchnykh truzh*

dov. Pod redaktsiyey I. I. Plekhanovoy [Creative personality of Valentin Rasputin: painting – feeling – thought – imagination – revelation. Collection of scientific papers. Edited by I. I. Plekhanova]. Irkutsk, 2015. Pp. 212–220 (in Russian).

10. Poleva E. A., Pisarenko A. E. Priyemy psikhologizma v rasskaze V. Rasputina “Uroki frantsuzskogo” [Techniques of psychologism in V. Rasputin’s short story “French Lessons”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 11 (176), pp. 131–136 (in Russian).
11. Poleva E. A., Lomakina M. I. Metodika mezhpredmetnogo izucheniya khudozhestvennogo svoeobraziya rasskaza V. P. Astaf’yeva “Vasyutkino ozero” v sovremennoy shkole [Methodology of interdisciplinary study of the artistic originality of V. P. Astafyev’s story “Vasyutkino Lake” in a modern school]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 6 (195), pp. 120–127 (in Russian).
12. Poleva E. A. Priyemy vizualizatsii v formirovanii motiva iskusheniya v rasskaze Viktora Astaf’yeva “Kon’ s rozovoy grivoy” [Visualization techniques in the formation of the motive of temptation in the story of Viktor Astafyev “The Horse with the pink mane”]. *PRAZHMA. Problemy vizual’noy semiotiki – PRAZHMA. Problems of visual semiotics*, 2019, no. 3, pp. 182–196 (in Russian).
13. Im En Im. *Avtobiograficheskiye motivy v tvorcheatve of V. P. Astaf’yeva, 60–70-ye gody. Dis. kand. filol. nauk* [Autobiographical motifs in the works of V. P. Astafyev, 60–70s. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1999 (in Russian). URL: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskie-motivy-v-tvorchestve-v-p-astafeva-60-e-70-e-gody> (accessed 12 May 2022).
14. Bedrikova M. L. *Osobennosti psikhologizma russkoy prozy vtoroy poloviny 1980-kh: tvorchestvo V. Astaf’yeva i V. Rasputina. Dis. kand. filol. nauk* [Features of the psychologism of Russian prose in the second half of the 1980s: the work of V. Astafyev and V. Rasputin. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1995 (in Russian). URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-psikhologizma-russkoi-prozy-vtoroi-poloviny-1980-kh-godov-tvorchestvo-v-astafeva#ixzz4I2hQACR> (accessed 12 March 2022).
15. Meshalkin A. N. Svoeobrazie khudozhestvenno-filosofskogo voploshcheniya temy detstva v povesti V. Astaf’yeva “Posledniy poklon” [The originality of the artistic and philosophical embodiment of the theme of childhood in V. Astafyev’s novel “The Last Bow”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kostroma State University*, 2001, no. 4, pp. 60–61 (in Russian).
16. Meshalkin A. N. Zavetnaya kniga V. P. Astaf’yeva: mir detstva, dobra i krasoty v povesti “Posledniy poklon” [The treasured book of V. P. Astafyev: the world of childhood, goodness and beauty in the story “The Last Bow”]. *Literatura v shkole – Literature at school*, 2007, no. 3, pp. 18–21 (in Russian).
17. Zhukova N. D., Vityk Yu. I. Khudozhestvennaya realizatsiya temy detstva v knige Viktora Astaf’yeva “Posledniy poklon”: k postanovke problemy [Artistic realization of the theme of childhood in Victor Astafyev’s book “The Last Bow”: towards the formulation of the problem]. *Filologiya, sotsiologiya i kul’turologiya. Aktual’nyye nauchnyye problemy. Rassmotreniye, resheniye, praktika: sbornik nauchnykh dokladov* [Philology, sociology and cultural studies. Current scientific problems. Consideration, decision, practice: collection of scientific reports]. Gdan’sk, Diamand Trejding tur Publ., 2015. Pp. 94–98 (in Russian).
18. Uminova N. V. Motiv detskoy lzhi v proizvedeniyakh sibirskikh pisateley [The motive of children’s lies in the works of Siberian writers]. *Fenomen V. P. Astaf’yeva kak regional’no-natsional’noye samosoznaniye epokhi* [The phenomenon of V. P. Astafyev as a regional-national identity of the epoch]. Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafyev Publ., 2017. Pp. 95–96 (in Russian).
19. Meletinskiy E. M. Kul’turnyy geroy [Cultural hero]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1982. Vol. 2. Pp. 25–28 (in Russian).
20. Lipovetskiy M. N. Shaluny, vragi, drugiye... Trixster v sovetskoj i postsovetskoj literature [Naughty, enemies, others... Trickster in Soviet and post-Soviet children’s literature]. *Detskiye chteniya – Children’s Readings*, 2014, no. 2 (6), pp. 7–22 (in Russian). URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/123/117> (accessed 23 February 2022).
21. Koz’mina E. Yu. Robinzonada kak raznovidnost’ geograficheskogo romana priklyucheniya [Robinsonade as a kind of geographic adventure novel]. *Vestnik BGU – Vestnik BSU*, 2016, no. 4 (30) (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/robinzonada-kak-raznovidnost-geograficheskogo-romana-priklyucheniya> (accessed 16 September 2022).

Информация об авторах

Насонова А. В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Nasonova A. V., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 30.11.22; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 30.11.22; accepted for publication 07.12.2022